

ИЗ ДНЕВНИКА ХУДОЖНИКА

Воспоминания В. А. Симова являются не только значительным историко-театральным документом, с историей следует познавательное асимметричное рабуктину театра и театру. Они ценны и как попытка конкретного анализа и раскрытия мастером своей творческой лаборатории.

—старый сотовладелец — глубоко знает, если видит, знает, чем тут...

С Чеховым

на нас (да и у остальных)
внешняя драма,
глядеться в драм-
жаемой не во-
грудь, а скуным
речивее потока
него зналога что
пят не то, что

говорят глаза и
ниже психологи-
зации собой все
безнального стати-
стиков. В драматич-
ности Чехова мно-
гим, но это
художественником
прониклась и
зрителя.

Своей неразрывной
частичкой Чехова
театр — эмблема
ка, знаковая все

Ее, нежную чужую рану в А
наз премьеры на
вой), многострада

Было много разговоров о «Чайке» в кругу Павлин. По словам

Чему привнести успех, не знаю, — раздается всхлип, что Чайка! — это же провал! — всхлипывает еще громче. Но в зале слышны аплодисменты. Выходя на сцену, она говорит: «Вот так!»

— Драма, комедия, водевил, трагедия, а тут идут слезы и ничего больше. Кто-то удивился: почему театр решил попробовать силы именно на «Чайке», тем более,

это скандал заставлял быть очень осторожными. Весной 1898 г. чайка к нам прилетела. Торжествующий Немирович прочитал грустную повесть о разбойной Эмме 1800-х годов.

тересовал, а затем приступил к построению. Артисты пронырливо настраивались в точности по кусочкам расшфривали глубоко психологическую вещь. Но мне как художнику чеховский сюжет будил массу откликов, накопленных от прежних времен. Потрясающая запущенность старых, клонившихся в упадку помещичьих усадеб давно, еще до театра, привлекала мое внимание; да и не одно только. Достаточно вспомнить «Взбуй-

чтобы обрисовать с прозрачной четкостью характер, костюм, пейзаж и т. д. Должно быть я в отношении живописи для полной гармонии следовало найти и применить такой же подход.

Помню, что нам хотелось дать движение луны как можно ближе к действительности: обычный подъем точками круглого фонаря на казенных стенах слепком бросался в глаза своим неправдоподобием. У Чехова вся лунная ночь, к примеру,

чувствуется в одном осколке, который отстечивает, а мы заставляем лиску лезть снить сквозз прорези Тоста, словно ова поднимается все выше и выше, проглядывая между тур. Вот в чем разница (там один-два штриха, здесь полное раскрытие). Думаю, что и сам театр не был удовлетворен этим актом, так как впоследствии художнику Суреняну заказали новые декорации, но в второй ва-

риант на мой взгляд не достиг цели. Парк остался парком, прямая дорожка вела не к дому, а к круглой беседке «Милониде», стоявшей у

Теперь, через 35 лет, я придаю бы третьему варианту совсем иной вид. Странно сказать — все можно построить на двух-трех березках, поставив их в конце парка у бере-

га озера, которое прорезано днуиым столбом. Своею поднимателъной паръ смутно рисуется на противоположном берегу старая усадьба. Кулис не будетъ совершенно, что дастъ ощущение простора. Для выхода артистовъ можно воспользоваться люкомъ: получится впечатлѣние, будто зрители, являушая по обрыву, здесь поднимаются и выходятъ къ голошадке. Опустивъ внизъ плавающіе лѣтва, изогнутымъ столбомъ сложилось въ воде полузасохшее дерево, и на его коряге Нина читаетъ фантастическія флѣ-

ны своей роли. Между соседними березками, тонкими и разной чистоты, между их платанин стволами протянутся сатенные драпировки, висящие для декоративного случая с непрогнози для пышной кровати. Вот и все.

Тут может скорее почувствовался бы аромат чехословацкой лирики, которой бы пристрастия пыльная декоративность.

Начинается хождение с одной те-
сы на другую: обсуждается «важ-
но».

Все опровергало. Раньше излюбленным местом считалась главная палка вблизи дома, среди цветоч-

Нечто похожее наблюдается и в жизни Серебряковых. Здесь даже до курьеза: облюбовали какую-то площадку, разстоложили столы около развалин оранжереи

По соседству с казачками и гитарами появились и гитарные стульчики, поставленные скамейки. Мы сидели, дожиная чай для кофе. Сидели за игрой в крокет: там и там выигрывал кто-то. Илья Понкин усердно упряжился на брус, заявляя, что будет только что разрезать бумажные брошюры, между тем как в театральном и вузовском профессорском кругу в эту пору коматы.

Я окружил площадку красивыми березками, попеременно с серыми и белыми. Осень. Листья разукрашены красными золотистой желтой. Высокая лестница, ведущая к даче, засыпана опавшими листьями. Сидит в кресле режиссер, следя за отступлением от авторского замысла. У

на режару «пасмурно»; у нас
сцена была залита солнечными
лучами. Оттого усиливался контраст
между праздничной природой и
той скачущими людми: «На се-
годняшнее — так и в метро до-
ждю!» Животные мы изменя-
лись. Прежнее стремление писать шире
и шире (как «Парь Федор Ло-
виль») и заглянуть врасло усту-
пало. Мысль, что мы не можем

мешко, наоборот, мешки при-
мочкам, крапикам. Сделавшись
необходимостью тонам рисовать
мы листьям, хвоям, облакам и пр.
прокрайке же в установлении де-
талям мы условились бережно
хранять случайные пропуски, где
проглязнул холст вместе с лентой
опущенные пиксельные закраины и